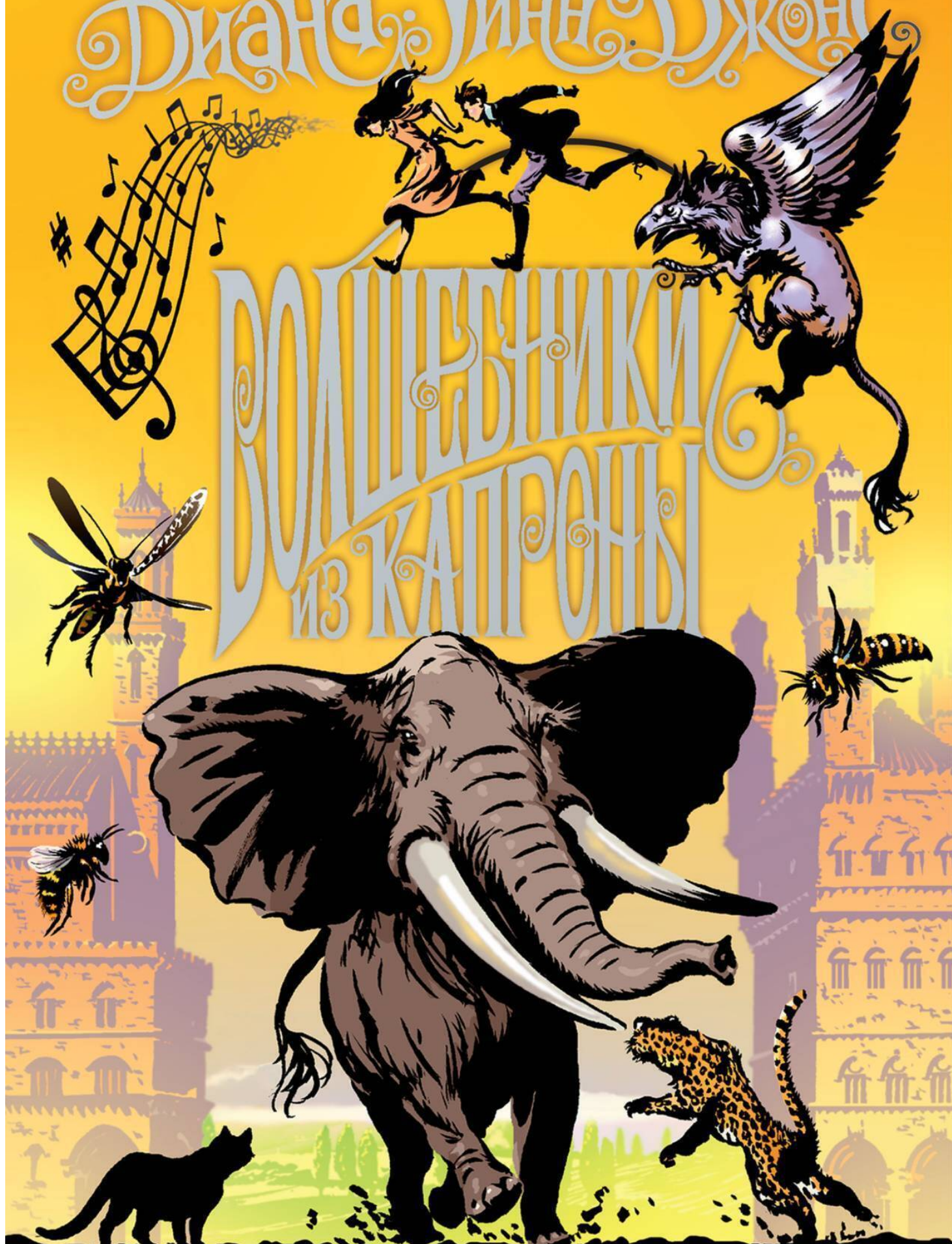

Диана Винн Джонс

Миры Крестоманси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Волшебники из Капроны

«Азбука-Аттикус»

1980

Джонс Д. У.

Волшебники из Капроны / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
1980 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-06526-0

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Не все спокойно в итальянском герцогстве Капроны. И даже хорошо, если ты волшебник, но что делать, если колдовать у тебя не очень получается? Зато Тонино Монтана понимает язык животных. Вот и приходится ему вместе с черным котом Бенвенуто разгадывать загадки, распутывать тайны и спасать жителей Капроны от нависшей опасности. Ну и конечно, без блистательного и вездесущего Крестоманси тоже не обошлось. Как-никак он главное ответственное лицо за магию во всех параллельных мирах!

ISBN 978-5-389-06526-0

© Джонс Д. У., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Уинн Джонс

Волшебники из Капроны

The Magicians of Caprona by Diana Wynne Jones

Text copyright © Diana Wynne Jones 1980

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency

© М. Шерешевская (наследники), перевод, 2013

© И. Баранов, иллюстрации, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Мир Крестоманси не похож на наш. Это мир, параллельный нашему, – мир, где творить волшебство так же нормально, как заниматься математикой, и где во многом сохраняются ста-

ринные обычаи и уклад жизни. Италия все еще раздроблена на множество карликовых государств, в каждом из которых есть свой герцог и своя столица. В нашем мире Италия давно уже стала единой страной.

Хотя два этих мира никак между собой не связаны, история, которую я здесь рассказываю, каким-то образом дошла до нас. Правда, в ней оказалось много пробелов, и мне пришлось заполнять их. По моей просьбе Кэри Дэвис, Гейнор Харви, Элизабет Картер и Грэм Болстон выяснили, как разворачивался поединок между двумя кудесниками. А мой муж, Дж. А. Барроу, пользуясь советами Бейзила Коттла, нашел подлинные слова «Капронского Ангела». И мне хочется от всей души поблагодарить своих помощников.

Глава первая

Нет ничего труднее на свете, чем правильно сотворить чары. Дети из семьи Монтана знали об этом чуть ли не с пеленок. Сотворить заклинание не штука, это может каждый. Но чтобы оно – написанное ли, произнесенное или пропетое – сработало, тут все должно быть правильно, а то такого можно натворить...

Вот, например, Анджелика Петрокки чуть-чуть сфальшивила, взяла не ту ноту, и ее отец стал ярко-зеленым. Вся Капрона – да что Капрона, вся Италия – несколько недель про это гудела.

Лучшие чары и сегодня поступают из Капроны, несмотря на недавние волнения из-за Дома Монтана и Дома Петрокки. Если вы знаете верные слова – те, которые работают, когда нужно наладить приемник или вырастить помидоры, – то вполне вероятно, что кто-то из вашей семьи отдыхал в Капроне и привез заклинание оттуда. В Капроне на Старом мосту стоят два ряда каменных лавочек, обвешанных, как флажками, длинными разноцветными конвертами, пакетиками и свитками.

Впрочем, в Италии чары можно достать в каждом чародейном доме. И все они будут с этикетками, указанием, как их употреблять, и фирменным знаком изготовителя. Хотите узнать, кем изготовлены ваши чары, – поройтесь в семейном архиве. Если вам попадется инструкция на листке вишневого цвета с эмблемой в виде черного леопарда, значит заклинание из Дома Петрокки. А если наткнетесь на салатно-зеленый конверт с крылатым конем, значит оно изготовлено в Доме Монтана. Оба дома поставляют такие отменные чары, что люди, не очень сведущие в этом деле, полагают, будто даже конвертами можно творить волшебство. Это, конечно, ерунда. Потому что, как не раз слышали Паоло и Тонино, заклинание – это правильные слова, правильно произнесенные.

Оба великих дома – Петрокки и Монтана – восходят к тем временам, когда было основано само государство Капрона (а это произошло более семисот лет назад). И между ними

царит лютая вражда. Они даже не разговаривают друг с другом. Случись кому-нибудь из рода Петрокки, проходя по узким, мощенным золоченым булыжником улочкам Капроны, встретить кого-нибудь из рода Монтана, оба отведут глаза в сторону и бочком-бочком поспешат миновать друг друга, как если бы обходили вонючий хлев. Их дети ходят в разные школы, и каждому наказано: не смей и словом перекинуться с ребенком из другого дома!

Бывает, однако, иногда молодежь из обоих домов – Монтана и Петрокки, – прогуливаясь вечером по широкой улице Корсо, столкнется там невзначай. В таких случаях все остальные капронцы немедленно прячутся кто куда. Потому что хватает страху, когда эти Монтана и Петрокки пускают в ход кулаки и камни, а если они принимаются насыпать друг на друга чары, тут ужас что может случиться.

Однажды по милости неистового Ринальдо Монтаны на Корсо три дня с неба плюхались коровьи лепешки. Среди туристов воцарилось глубокое уныние.

– Один из Петрокки мне надерзил, – заявил Ринальдо, сверкнув самой искрометной своей улыбкой. – А у меня в кармане случайно оказалось новенькое заклятие.

Петрокки сердито заявили, что Ринальдо переделал свое заклинание в разгар схватки. Кто же не знает, что все его чары – любовные!

В обоих домах взрослые сами никогда не объясняли детям, отчего между Монтана и Петрокки пошла такая вражда. Рассказать об этом по заведенному порядку предоставлялось старшим братьям и сестрам, родным и двоюродным. Паоло и Тонино снова и снова слушали эту историю от сестер Розы, Коринны и Лючии, от двоюродных братьев и сестер – Луиджи, Карло, Доменико и Анны, а затем и от троюродных – Пьеро, Луки, Джованни, Паулы, Терезы, Беллы, Анджело и Франческо. И сами рассказывали ее шестерым младшим двоюродным, по мере того как те подрастали. Монтана были большой семьей.

Молва гласит, что двести лет назад старый Рикардо Петрокки забрал себе в голову, будто герцог Капронский заказывает у семьи Монтана больше заклинаний, чем у Петрокки, и написал старому Франческо Монтане презлющее письмо. Франческо страшно рассердился и немедленно пригласил всех Петрокки на парадный обед. Он-де придумал новое блюдо и хочет, чтобы Петрокки его отведали. И тут же скатал из письма Рикардо Петрокки длинные тонкие жгутики и произнес над ними одно из самых сильных своих заклятий. И они превратились в спагетти. Петрокки уплетали их за обе щеки, и все заболели, а Рикардо тяжелее всех, потому что нет ничего хуже, чем объесться собственными словами. Он не простил Франческо Монтану, и с тех пор обе семьи живут в непримиримой вражде.

– Вот так появились спагетти, – завершала эту историю Лючия, которая чаще других ее рассказывала, хотя была старше Паоло всего на год.

Лючия же шепотом поведала им о том, какие ужасные, языческие порядки заведены у Петрокки. Мол, Петрокки никогда не ходят к мессе и никогда не исповедуются, никогда не купаются и не меняют белья, а также не женятся, но при этом – тут шепот становился еле слышным – детей плодят, как котят, а лишних детей вполне способны топить, как тех же котят; известно, что они, бывало, поедали лишних дядюшек и тетушек; к тому же они невозможные грязнули, так что от Дома Петрокки пахнет на расстоянии, а жужжание мух слышно по всей виа Сант-Анджело.

Там было еще много всего подобного, кое-что даже похуже: у Лючии было живое воображение. Паоло и Тонино поверили каждому ее слову и возненавидели Петрокки всеми фибрами души, хотя прошли годы, прежде чем они увидели первого Петрокки собственными глазами. Еще совсем маленькими они однажды утром улизнули из дома и добрались по виа Сант-Анджело почти до самого Нового моста: очень уж им хотелось взглянуть на Дом Петрокки. Но ни запаха, ни жужжания мух, которые должны были привести их куда надо, они не обнаружили, а сестра Роза нашла их прежде, чем они нашли Дом Петрокки. Роза – она была на восемь лет старше Паоло и уже тогда совсем как взрослая – посмеялась над их трудностями

и по доброте душевной отвела к Дому Петрокки, стоявшему вовсе не на виа Сант-Анджело, а на виа Кантелло.

Их ожидало разочарование. Дом был точно такой же, как Дом Монтана. Такой же большой, как Дом Монтана, из того же золотистого капронского камня и, наверное, такой же старый. Внутри вели огромные ворота из сучковатого дерева – точно такие же, как их собственные, а на стене над воротами возвышалась такая же, как у них, золоченая фигура ангела. Роза пояснила, что оба ангела поставлены в память о том ангеле, который явился первому герцогу Капронскому и принес ему с неба свиток с нотами. Но об этом мальчики знали. Паоло отметил, что от Дома Петрокки вроде бы не очень пахнет, и Роза, прикусив губу, ответила, что на фасаде чрезвычайно мало окон, да и те закрыты наглухо.

– Думаю, у них, как и у нас, все происходит во дворе, – решила она. – Все запахи, наверное, там и собираются.

Мальчики с нею согласились и решили подождать, пока не выйдет кто-нибудь из Петрокки. Но Роза сказала, что это было бы очень глупо, и потащила их домой. И пока она уводила их, они все оглядывались и увидели, что на Доме Петрокки четыре золоченые башенки – по одной на каждом углу, тогда как на Доме Монтана всего одна, надвратная.

– Это потому, что Петрокки – задаваки, – объяснила Роза. – Пошли, пошли, – поторопила она их.

Поскольку каждую башенку венчал шатер, крытый фасонной черепицей, такой же, как на крышах по всей Капроне, они не показались Паоло и Тонино чем-то сверхзамечательным, да и спорить с Розой им не хотелось. Они были разочарованы в своих ожиданиях, а потому послушно последовали за ней в Дом Монтана и, миновав собственные ворота из сучковатого дерева, возвратились в свой бурлящий двор. Там Роза их отпустила и тут же помчалась вверх по лестнице в галерею.

– Лючия! – кричала она. – Где ты, Лючия? Мне надо поговорить с тобой!

Двери и окна открывались во двор по всей окружности, а с трех сторон его охватывала галерея с деревянными перилами и черепичной крышей, ведущая в комнаты верхнего этажа. Дядюшки, тетюшки, двоюродные братья и сестры, а также кошки – все были заняты кто чем: смеялись, стряпали, обсуждали заклинания, купались, загорали и просто дурачились. Паоло вздохнул с облегчением.

– Сомневаюсь, что в Доме Петрокки жизнь бьет ключом, – сказал он, подхватывая ближайшую кошку.

Не успел Тонино согласиться с братом, как оба оказались в ласковых объятиях тети Марии; она была толще тети Джины, но не такая толстая, как тетя Анна.

– Куда же вы запропастились, милые мои? Я уже полчаса, а то и больше жду вас на урок.

В Доме Монтана все усердно трудились. А Паоло и Тонино обучались первым правилам волшебства. Если тетя Мария не могла ими заняться, урок им давал отец – Антонио. Антонио был старшим сыном главы Дома Монтана, Старого Никколо, и после его смерти должен был возглавить семью. Это, считал Паоло, тяжелым грузом лежало на его отце. Худой, нервный, он смеялся куда реже, чем другие Монтана. И был не такой, как они. Вместо того чтобы предложить отцу выбрать ему жену в одном из чародейных домов Италии, он, отправившись погостить в Англию, вернулся оттуда женатым на Элизабет. Элизабет обучала мальчиков музыке.

– Если бы я учила эту Анджелику Петрокки, – любила она повторять, – никто по ее вине не стал бы зеленым.

Старый Никколо говорил, что Элизабет – лучшая музыкантша в Капроне. Именно поэтому, если верить Лючии, Антонио сошла с рук его женитьба. Но Роза говорила, что это глупости. Роза очень гордилась тем, что она наполовину англичанка.

Паоло и Тонино, пожалуй, больше гордились тем, что они Монтана. Ведь это замечательно – знать, что принадлежишь к семье, которая всему миру известна как величайший чаро-

дейный дом в Европе, если не считать Петрокки. Иногда Паоло просто изнывал от нетерпения: когда же он наконец вырастет и станет таким, как его кузен, неистовый Ринальдо! Ринальдо все давалось легко. Девушки в него влюблялись, заклинания у него рождались на лету. Он еще в школе создал семь новых заклинаний. А в наши дни, как сказал Старый Никколо, сотворить новые чары – дело нелегкое. Их и без того уже пруд пруди. Паоло восхищался Ринальдо беспрельдно. Вот кто настоящий Монтана, говорил он Тонино.

Тонино не возражал: он был на год с небольшим младше Паоло и очень уважал его мнение; правда, самому ему всегда казалось, что настоящий Монтана как раз Паоло. Паоло все схватывал сразу – не хуже Ринальдо. Мог без всякого колдовства заучить то, на что Тонино потребовалось бы много дней. Тонино был тугодум. Ему, чтобы запомнить что-то, приходилось это повторять и повторять. А Паоло – так казалось Тонино – родился с даром к волшебству, какого у него самого и в помине не было.

Временами Тонино впадал в глубокое уныние: ну почему он такой неспособный! Никто его этим не попрекал. Сестры, даже книжница Коринна, часами сидели с ним, помогая. Элизабет заверяла, что он ни разу не взял ни одной фальшивой ноты. Отец бранил его за излишнее усердие, а Паоло уверял, что в школе Тонино оставит далеко позади всех остальных ребят. Паоло уже ходил в школу, и школьные предметы давались ему так же легко, как волшебство.

Но когда Тонино пошел в школу, он оказался таким же тугодумом, каким был дома. Школа его окончательно подавила. Он не понимал, чего хотят от него учителя. К концу первой недели, в субботу, он почувствовал себя настолько несчастным, что сбежал из дому и, глотая слезы, стал кружить по Капроне. Его не было дома уже несколько часов.

– Я не виноват, что способнее его, – сказал Паоло, едва удерживая слезы.

Тетя Мария бросилась утешать его:

– Ну, ну, только не плачь! Ты у нас такой же умный, как мой Ринальдо, и мы все гордимся тобой.

– Пойди поищи Тонино, Лючия, – распорядилась Элизабет. – Не надо так огорчаться, Паоло. Мало-помалу Тонино, сам того не замечая, усвоит заклинания. Со мной было то же самое, когда я приехала. Может, мне рассказать об этом Тонино? – спросила она Антонио, который поспешил спуститься с галереи.

В Доме Монтана, если у кого-то случалась беда, вся семья принимала это близко к сердцу. Антонио потер рукой лоб:

– Пожалуй. Надо поговорить со Старым Никколо. Пойдем, Паоло.

И Паоло двинулся следом за своим подтянутым, стремительным отцом через залитую солнечными бликами галерею в прохладную синеву Скрипториума. Там две сестры Паоло, Ринальдо, еще пять двоюродных братьев и сестер и двое дядей, стоя за высокими конторками, переписывали заклинания из больших, одетых в кожаные переплеты книг. Каждая была снабжена медным замочком, чтобы никто не мог похитить семейные секреты. Антонио и Паоло прошли мимо пишущих на цыпочках. Только Ринальдо улыбнулся им, не прекращая писать. Там, где у других перья скрипели и спотыкались, у него оно летело словно само собой.

В комнате за Скрипториумом дядя Лоренцо и кузен Доменико штемпелевали зеленые конверты – ставили на них крылатого коня. Окинув проходящих мимо отца с сыном пристальным взглядом, дядя Лоренцо решил, что беда не так велика, чтобы Старый Никколо не справился с ней один. Он кивнул Паоло и сделал вид, будто хочет тиснуть ему на лоб крылатого коня.

Старый Никколо находился в следующем помещении – теплом, пропахшем затхлостью зале, отведенном под библиотеку. Он совещался с тетей Франческой насчет лежащей на попире книги. Тетя Франческа приходилась Старому Никколо родной сестрой, а Паоло, следовательно, двоюродной бабушкой. Тучная, в три обхвата, она была раза в два толще тети Анны – и такой же кипяток, как тетя Джина, даже погорячее.

– Но заклятия Дома Монтана, – возбужденно говорила она, – всегда отличались изяществом, а это какое-то неуклюжее! Это...

Тут оба круглых старческих лица повернулись к Антонио и Паоло. Лицо Старого Никколо и глаза на нем были круглые и недоумевающие, как у младенца. Лицо тети Франчески, маленькое для ее необъятного туловища, и глаза, тоже маленькие, выглядели на редкость проныщательными.

– Я как раз собирался к вам, – сказал Старый Никколо. – Только мне казалось, неладно с Тонино, а ты приводишь ко мне Паоло.

– С Паоло все ладно, – вмешалась тетя Франческа.

Круглые глаза Старого Никколо остановились на Паоло.

– Переживания твоего брата – не твоя вина, Паоло, – произнес он.

– Не моя, – сказал Паоло. – Это школа виновата.

– Пусть Элизабет объяснит Тонино, что в нашем доме нельзя не учиться волшебству, – предложил Антонио.

– Но это удар по его самолюбию! – воскликнула тетя Франческа.

– Мне кажется, он не самолюбив, – сказал Паоло.

– Да, Тонино не самолюбив, но ему, бедняге, плохо, он чувствует себя несчастным, – возразил ему дед. – И наша обязанность – его успокоить. Знаю, знаю! – И его младенческое лицо засияло. – Бенвенуто.

Он произнес это имя совсем негромко, но по всей галерее уже гремело:

– Бенвенуто к Старому Никколо!

Во дворе забегали, там тоже стали звать. Кто-то ударил палкой по кадке с водой:

– Бенвенуто! Куда же он запропастился, этот кот? Бенвенуто!

Но Бенвенуто, естественно, не спешил предстать пред господские очи. В Доме Монтана он был главою кошачьего племени. Прошло добрых пять минут, прежде чем Паоло услышал поступь его твердых лап, быстро топающих по черепичной крыше галереи. Затем последовал глухой звук удара – это Бенвенуто совершил трудный прыжок через перила галереи на пол. Еще мгновение, и он уселся на подоконнике в библиотеке.

– А вот и ты, – приветствовал его Старый Никколо. – Я уж начал волноваться.

Бенвенуто сразу выставил пистолетом заднюю лапу, косматую и черную, и стал ее вылизывать, словно только для этого и пожаловал.

– Ну-ну, перестань, – сказал Старый Никколо. – Мне нужна твоя помощь.

Широко открытые желтые глаза Бенвенуто устремились на Старого Никколо. Бенвенуто не отличался красотой. Голова у него была необыкновенно широкая и какая-то тупоугольная, с серыми проплешинами – следами многих и многих драк. По причине этих драк уши у него приспустились на глаза, так что казалось, будто Бенвенуто ходит в косматой бурой шапке. Уши эти, получившие сотню укусов, были покрыты зазубринами, словно лист остролиста. Сразу над носом, придавая морде злобно-настороженное выражение, красовались три белые проплешины. Нет, никакого отношения к его положению главы кошачьего племени в чародейном доме они не имели. Они были результатом его пристрастия к говяжьим отбивным. Однажды, когда тетя Джина стряпала, он вертелся у нее под ногами, и она плеснула ему на голову говяжьим жиром. С тех пор Бенвенуто и тетя Джина упорно друг друга не замечали.

– Тонино чувствует себя несчастным, – сообщил Старый Никколо.

Бенвенуто, видимо, счел эту информацию достойной внимания. Он подобрал вытянутую лапу, спрыгнул с подоконника и опустился на книжную полку – все это одним плавным движением, словно бы не шевельнув и мускулом. Там он и остался стоять, предупредительно помахивая своей единственной красой – пышным черным хвостом. Во всех остальных местах шкура его сильно поизносилась, превратившись в нечто обтрепанное, грязно-бурое. Кроме хвоста, еще одним свидетельством того, что Бенвенуто некогда представлял собой велико-

лепный образец черного персидского кота, была пушистая шерсть на задних лапах. И, как на собственном опыте знали все коты и кошки в Капроне, эти пушистые «штанишки» скрывали мускулы, достойные бульдога.

Паоло во все глаза смотрел на деда, задумчиво беседовавшего с Бенвенуто. Он всегда с уважением относился к этому коту. Всем было известно, что Бенвенуто ни у кого не станет сидеть на коленях и пустит в ход когти, если кто попытается его схватить. И еще Паоло знал, что все коты и кошки – превосходные помощники, когда дело идет о волшебстве. Но ему раньше и в голову не приходило, что они очень многое понимают. А судя по паузам, которые Старый Никколо делал в своей речи, Бенвенуто еще и отвечал деду. Паоло взглянул на отца, чтобы убедиться, так это или не так. Антонио был явно не в своей тарелке. И, глядя на несчастное лицо отца, Паоло сообразил: очень важно понимать, что говорят кошки, а Антонио этого не умеет. «Надо поскорее научиться понимать Бенвенуто», – озабоченно подумал Паоло.

– Кого из своих ты порекомендуешь? – спросил Старый Никколо.

Бенвенуто поднял правую переднюю лапу и как бы невзначай лизнул ее. Лицо Старого Никколо расплылось в светлой младенческой улыбке.

– Замечательно! – воскликнул он. – Бенвенуто берется за это сам!

Бенвенуто чуть пошевелил кончиком хвоста. В следующее мгновение, вновь вскочив на подоконник, да так плавно и стремительно, что, казалось, кисть художника провела в воздухе черную линию, он исчез. Тетя Франческа и Старый Никколо сияли, а Антонио по-прежнему стоял потерянный и несчастный.

– Теперь Тонино в добрых руках, то бишь лапах, – провозгласил Старый Никколо. – Мы можем о нем не тревожиться, разве только он потревожит нас.

Глава вторая

Тонино уже успокоился – забился в суете золоченых улиц Капроны. Выбирая самые узкие улочки, он шагал посередине, где жарило самое яркое солнце, а над головой висело выстиранное белье, и играл в такую игру: «в тень попадешь – умрешь». По правде сказать, он уже несколько раз «умирал», прежде чем добрался до Корсо. Один раз его вытеснила с солнечной мостовой толпа туристов. Дважды пришлось сойти в тень из-за повозок и один раз уступить дорогу экипажу. А однажды по улочке проехал длинный лоснящийся автомобиль, непрерывно урча и отчаянно сигналив, чтобы ему освободили дорогу.

Когда Тонино подошел ближе к Корсо, он услышал, как какой-то турист сказал по-английски: «Смотри-ка! Там Панч и Джуди!» Очень довольный собой – понял, хоть и по-английски! – Тонино нырнул в толпу; он толкался и пробивался, пока не очутился в первом ряду зрителей, наблюдающих, как Панч до смерти избивает Джуди над верхним краем раскрашенной сцены-будки. Тонино всюду хлопал Панчу и одобрительно кричал: «Давай, давай!» А когда какой-то тип, пыхтя и сопя, тоже втиснулся в толпу, Тонино возмущался нахалом вместе со всеми. И напроць забыл о своих несчастьях.

– Не пихайтесь! – прикрикнул он на него. – Будьте же людьми! – взмолился нарушитель порядка. – Мне непременно надо видеть, как Панч облапошит палача.

– Да помолчите вы, – зашумели все вокруг, включая Тонино.

– Я только сказал... – начал было этот человек.

Он был грузный, с потным лицом и со странными манерами.

– Заткнитесь! – закричали все.

Толстяк запыхтел, заухмылялся и стал с открытым ртом смотреть, как Панч расправляется с полицейским. Ну прямо как маленький. Тонино искоса взглянул на него с раздражением и решил, что это безобидный сумасшедший. При всякой шутке он закатывался неудержимым смехом, да и одет был престранно: щеголял в костюме из искрящегося красного шелка и с

золотыми пуговицами. На его груди переливались медали. Вместо обычного галстука шея была повязана сложенным вдвое белым платком, который придерживала большая брошь, мерцающая, как слеза. На башмаках искрились металлические пряжки, а колени прикрывали золоченые нашьепки. Прибавьте сюда блестящее от пота лицо и белые зубы, сверкавшие каждый раз, когда он смеялся. Словом, весь он с головы до пят сиял и блестел.

Мистер Панч тоже обратил на него внимание.

– Что там за умник-разумник? – прокаркал он, подпрыгивая на своей деревянной дощечке. – У него, я вижу, золотые пуговицы. Может, это сам папа?

– Нет, не папа! – отозвался Мистер-Блистер, очень довольный.

– Может, это герцог? – ухнул мистер Панч. – Нет, не герцог! – гаркнул Мистер-Блистер, а вслед за ним и толпа.

– Не нет, а да! – каркнул мистер Панч. Пока все дружно орали «нет, не герцог», двое молодых людей с озабоченным видом всю протискивались сквозь толпу к Мистеру-Блистеру.

– Ваша светлость, – обратился к нему один из них, – епископ уже полчаса как прибыл в Собор.

– Тьфу ты, пропасть! – рассердился Мистер-Блистер. – Вечно вы меня за горло берете! Нельзя уж мне... Досмотрел бы эту штуку до конца. Я так люблю Панча и Джуди.

Оба молодых человека посмотрели на него с укоризной.

– Ладно, ладно, – проворчал Мистер-Блистер. – Заплатите кукольнику. И остальным тоже что-нибудь там дайте.

И с пыhtением и сопением заспешил в сторону Корсо. На какой-то миг Тонино засомневался: может, этот Мистер-Блистер и в самом деле герцог Капронский? Но двое молодчиков и не подумали заплатить кукольнику, да и никому другому ни гроша не дали. Они просто послушно засеменяли за Мистером-Блистером, словно боялись его потерять. Из всего этого Тонино сделал вывод, что Мистер-Блистер и впрямь сумасшедший, только богатый, и эти двое наняты его ублажать.

– Кр-крохо-бор-ры, – каркнул мистер Панч и занялся Палачом, стараясь половчее перехитрить его и отправить на виселицу вместо себя.

Тонино смотрел не отрываясь, пока мистер Панч не раскланялся и не удалился с триумфом в раскрашенный домик в задней части сцены. Только тогда Тонино вспомнил, до чего же он несчастный.

Возвращаться в Дом Монтана ему не хотелось. И вообще ничего не хотелось. И он, как и прежде, побрел куда глаза глядят. Он шел и шел, пока не оказался на пьядца Нуова – Новой площади, что на холме в самом западном конце Капроны. Там он, в мрачном настроении, уселся на парапет и стал глазеть на богатые виллы и герцогский дворец по другую сторону реки Вольтавы, на длинные арки Нового моста. «Что, если, – думал он, – туман тупости в голове у меня не рассеется и я проведу в нем всю оставшуюся жизнь?»

Новая площадь появилась тогда же, когда и Новый мост, около семидесяти лет назад. Ее соорудили, чтобы все могли любоваться Капроной – тем великолепным видом, что открывался сейчас перед Тонино. Умопомрачительный вид! Одна беда: куда бы Тонино ни обращал взгляд, везде он наткнулся на что-то имевшее отношение к Дому Монтана.

Взять хотя бы герцогский дворец, чьи башни из золоченого камня прямыми линиями прорезали безоблачную синеву неба. Каждая золоченая башня в верхней части выступала наружу, так чтобы никто не мог, вскарабкавшись снизу, атаковать солдат за зубчатой стеной с бойницами, над которой развевались красно-золотые флаги. В стены были вделаны щиты, по два с каждой стороны, и это означало, что Монтана и Петровки сотворили над каждой башней заклинания для пушей ее защиты. А огромный, белого мрамора фасад был инкрустирован кусками мрамора всех цветов радуги, и среди прочих – вишнево-красными и салатно-зелеными.

Золоченые виллы, разбросанные по склону ниже дворца, все имели на стенах салатно-зеленые и вишнево-красные диски. Кое-где их скрывали верхушки посаженных перед домами изящных небольших кипарисов, но Тонино знал: диски там непременно есть. И на арках Нового моста из камня и металла они тоже есть; на каждой красовалось по эмалированной пластинке, на одной – красная, на другой – зеленая, поочередно. Новый мост был под охраной самых сильных заклинаний, какие только могли сотворить Монтана и Петрокки.

Теперь, когда от реки остался лишь журчащий по гальке ручеек, в заклинаниях не было нужды. Но зимой, когда в Апеннинах хлестали ливни, Вольтава превращалась в бурный поток. Арки Нового моста еле его выдерживали. Старый мост – Тонино мог его видеть, изогнувшись и сильно вытянув шею, – не раз оказывался под водой вместе с причудливыми домиками, стоящими по обе его стороны. Все их при паводке затапливало. Если бы не заклинания, которые Монтана и Петрокки в свое время сотворили над быками Старого моста, у самого их основания, его бы давно уже снесло.

Тонино слышал, что говорил Старый Никколо: заклинания, охраняющие Новый мост, стоили огромных усилий всему Дому Монтана. Старый Никколо помогал с заклинаниями еще в возрасте Тонино. Вот уж этого он, Тонино, никак не смог бы. Чувствуя себя ужасно несчастным, он смотрел на золоченые стены и на красные черепичные крыши Капроны, видневшиеся внизу. В каждой, без сомнения, был запрятан капустно-зеленый листок. А ведь самое важное из всего, что когда-либо довелось сделать Тонино, – это наштамповать крылатого коня на обратной стороне такого листка. И он был глубоко уверен, что ничего большего ему в жизни не сделать.

Тут Тонино почудилось, будто кто-то его зовет. Он оглядел пятачок Нуова. Никого. Несмотря на замечательный вид, который открывался с площади, ее редко посещали туристы: слишком далеко! В первую очередь взгляд Тонино приковали к себе мощные железные грифоны: воздев к небу лапу, они восседали по всему парапету на небольшом расстоянии друг от друга. Еще несколько грифонов сплелись в схватке в центре площади, образуя фонтан. И даже тут Тонино некуда было деться от своей семьи. Чуть ниже огромных когтей ближайшего грифона виднелась металлическая пластинка. Салатно-зеленая. И Тонино расплакался.

Сквозь слезы ему вдруг показалось, что один из дальних грифонов сошел с каменного постамента и движется в его, Тонино, направлении. Грифон был без крыльев – то ли где-то их оставил, то ли очень крепко сложил.

Не успел Тонино подумать это, как ему объяснили несколько свысока, что кошкам крылья ни к чему, и Бенвенуто уселся на парапете рядом с мальчиком, укоризненно глядя на него.

Тонино всегда относился к Бенвенуто с величайшим почтением.

– Привет, Бенвенуто, – сказал он, не без трепета протягивая к нему руку.

Но Бенвенуто ее проигнорировал. Он сказал, что на руке вода, накапавшая из глаз Тонино, и это заставляет кота задуматься, почему Тонино ведет себя так по-дурацки.

– Всюду наши заклинания, – пожаловался Тонино, – а я никогда не смогу... Как ты думаешь, это потому, что я наполовину англичанин?

Бенвенуто не был уверен, что досконально разбирается в этом деле. Вся разница, насколько он мог заметить, в том, что у Паоло глаза голубые, как у сиамских кошек, а у Розы на голове белый мех...

– Светлые волосы, – поправил Тонино.

...а у самого Тонино волосы переливаются, как у полосатой кошки, невозмутимо продолжал Бенвенуто. Но при этом все они кошки. Разве не так?

– Но я такой глупый... – начал было Тонино.

Бенвенуто прервал его. Он, Бенвенуто, слышал, как вчера Тонино болтал с другими котятами Дома Монтана и, по его мнению, говорил во сто крат умнее их. И если Тонино хочет возразить, что это всего лишь котятки, то разве сам он не такой же котенок?

Тут Тонино рассмеялся и вытер руку о штаны. И когда он снова протянул ее Бенвенуто, тот поднялся, выгнулся, встал на все четыре лапы и, мурлыча, потянулся к ней. Тонино даже осмелился погладить Бенвенуто, который сделал несколько кругов вокруг него, выгибая спинку и мурлыча, совсем как самые маленькие и самые ласковые котята в Доме Монтана. От гордости и радости Тонино невольно расплылся в улыбке. По тому, как Бенвенуто двигал хвостом – величественными и сердитыми рывками, – было ясно, что ему не слишком-то нравится, когда его гладят. Но он терпел, и это тем более было честью.

Так-то лучше, говорил Бенвенуто. Он переместился к голым ногам Тонино и улегся на них коричневым мускулистым ковриком. Тонино продолжал его гладить. Тогда из одного конца коврика вылезли колючки и больно прошлись по бедрам Тонино. Бенвенуто по-прежнему мурлыкал. Он поинтересовался, примет ли это Тонино должным образом, как знак того, что оба они, мальчик и кот, – часть знаменитейшего дома в Капроне, которая, в свою очередь, является частью совершенно особенного государства среди всех итальянских государств?

– Я это знаю, – сказал Тонино. – Поэтому-то я и думаю: замечательно, что я... А мы на самом деле особенные?

Конечно, промурлыкал Бенвенуто. И если Тонино повернется и посмотрит на Собор, он поймет почему.

Тонино послушался. Повернулся и посмотрел. Огромные мраморные полушария куполов возвышались среди домов в конце Корсо. Тонино знал, что другого такого здания нигде нет. Высокий-превысокий, белый, золотой, зеленый, Собор словно парил в воздухе. А на вершине самого большого купола солнце освещало могучую золоченую фигуру Ангела с распростертыми крыльями и золотым свитком в руке, которым он благословлял всю Капрону.

Ангел, сообщил ему Бенвенуто, стоит там в знак того, что Капрона останется цела и невредима, пока все капронцы будут петь песню Ангела. Эта песня, обладающая чудесной силой, содержится в свитке, принесенном Ангелом прямо с неба первому герцогу Капроны. Благодаря песне Ангела удалось прогнать Белую Дьяволицу, и Капрона стала великой. С тех пор Белая Дьяволица рыщет вокруг Капроны, пытаясь в нее вернуться, но, пока капронцы поют песню Ангела, ничего у нее не получится.

– Я знаю, – сказал Тонино. – В школе мы поем «Ангела» каждый день. – И это вернуло его мысли к самой главной беде: – Меня заставляют учить эту историю – и другие подобные вещи, – а я не могу, потому что уже знаю все это, так что мне, строго говоря, нечего учить.

Бенвенуто вдруг перестал мурлыкать. Он сильно дернулся, потому что пальцы Тонино задели один из колтунов в его свалывшейся шерсти. Все еще подрагивая, он довольно резко спросил Тонино, неужели ему не пришлось в голову объяснить учителям, что он все это знает.

– Ой, прости! – Тонино поспешил убрать свои пальцы. – Понимаешь, – начал он оправдываться, – они все равно говорят: надо учить так, как у нас положено, иначе не выучить.

Ну, Тонино, конечно, виднее, как тут поступать, сказал на это Бенвенуто тем же сердитым тоном. Только вряд ли есть смысл в том, чтобы учить одно и то же дважды. Кошка ни за что на таком не настаивала бы. А вообще им пора возвращаться в Дом Монтана.

– Наверное, пора, – вздохнул Тонино. – Иначе они будут беспокоиться.

И, взяв Бенвенуто в охапку, встал с парапета. Бенвенуто такое обращение понравилось. Он замурлыкал. Но это не имело отношения к тому, тревожатся Монтана или нет. У него на уме было совсем другое. Тетушки, должно быть, как раз готовят обед, а Тонино будет куда легче, чем Бенвенуто, стянуть кусочек телятинки.

Вот оно что! Тонино рассмеялся и, когда они двинулись вниз по ступеням к Новому мосту, сказал:

– Знаешь, Бенвенуто, ты будешь чувствовать себя куда лучше, если дашь мне выстричь из твоей шерсти колтуны и позволишь пройти по ней гребешком.

Бенвенуто заявил, что каждый, кто попытается прикоснуться к нему гребнем, отведаёт всех когтей, какие только у него есть.

– А щёткой?

Бенвенуто сказал, что об этом он подумает.

Тут-то и встретила их Лючия. К этому времени она обошла всю Капрону в поисках Тонино и была вне себя от злости. Но при виде лукавой скособоченной физиономии Бенвенуто, смотревшего на нее из объятий Тонино, она остыла: сказать ей было почти нечего.

– Мы опоздаем к обеду, – проговорила она. – Не опоздаем, – отозвался Тонино. – Хватит даже времени, чтобы добыть Бенвенуто телятины: ты постоишь на стреме, а я стащу кусок.

– Наверное, Бенвенуто все и придумал, – вскинулась Лючия. – Это что? Начало взаимовыгодных отношений?

Можно и такие слова употребить, сказал Бенвенуто.

– Можно и такие слова употребить, – сказал Тонино Лючии.

Как бы то ни было, Лючия поддалась их давлению и заняла тетю Джину разговором, пока Тонино раздобывал для Бенвенуто кусочек телятины. Все были ужасно рады, что Тонино вернулся домой целым и невредимым, и никто не выразил ни малейшего недовольства. Правда, к вечеру у Коринны и Розы изменилось настроение, когда Коринна не нашла на месте своих ножиц, а Роза – головной щетки. Обе, разбушевавшись, выскочили на галерею. На галерее сидел Паоло. Он наблюдал, как Тонино осторожно и бережно вырезает комки свалывшейся шерсти из шубки Бенвенуто. Рядом с Тонино лежала головная щетка, вся в бурой шерсти.

– Ты и вправду понимаешь все, что он говорит? – спрашивал Паоло.

– Я всех кошек понимаю, – отвечал Тонино. – Не ерзай, Бенвенуто. Этот колтун почти у самой шкуры.

О том, каков был статус Бенвенуто – а потому и Тонино, – красноречиво говорит тот факт, что ни Роза, ни Коринна не осмелились сказать Тонино ни слова. Вместо этого они напустились на Паоло.

– Ну на что это похоже, Паоло? Стоишь тут и смотришь, как он чешет бедняжку чуть ли не против шерсти. Только портит! И неужели нельзя было взять для этого кукольные ножницы?

Паоло было все равно. Он испытывал огромное облегчение, радуясь, что ему самому не придется учиться понимать кошек. Он не знал бы даже, как за это взяться.

С этого времени и впредь Бенвенуто стал считать себя личным котом Тонино. Это многое изменило в жизни обоих. Бенвенуто, которого теперь регулярно вычесывали (Роза купила Тонино специальную щетку для его кота) и постоянно обеспечивали довольствием, похищенным из-под носа у тети Джины, стал выглядеть моложе и глаже. Тонино и думать забыл, что когда-то чувствовал себя несчастным. Теперь он был фигурой. Когда Старому Никколо требовался Бенвенуто, ему приходилось сначала обращаться к Тонино. Бенвенуто наотрез отказывался выполнять чьи-либо поручения без разрешения Тонино. Паоло очень забавляло то, как злится из-за этого Старый Никколо.

– Этот кот просто издевается надо мной! – бушевал он. – Я прошу его оказать мне услугу, и что я получаю? Какая неблагодарность!

В конце концов Тонино вынужден был сказать Бенвенуто, чтобы тот считал себя в услужении у Старого Никколо, пока Тонино находится в школе. Иначе Бенвенуто просто исчезал на весь день. Но неизменно около половины четвертого возникал вновь и усаживался у ближайшей от ворот дождевой кадки, дожидаясь Тонино. И как только мальчик появлялся в воротах, кот прыгал своему дружку на руки.

Так бывало даже тогда, когда Бенвенуто ни для кого не был доступен. Главным образом в полнолуние, когда прекрасная половина кошачьего племени обольстительно мяукала с крыш Капроны.

В понедельник Тонино пошел в школу, не забыв совет, данный ему Бенвенуто. И когда подошло время и ему дали картинку с котом и закорючками под ней: К-О-Т, Тонино собрался с духом и громко прошептал:

– Да, это «Ка» и «О» и «Тэ». Я знаю, как это читается.

Его учительница – в Капроне она была новенькая, – не зная, что с ним делать, призвала директрису.

– О, – сказала директриса. – Еще один Монтана. Мне следовало вас предупредить. Они все умеют читать. Большинство из них знают латынь – они употребляют много латыни в своих заклинаниях, – а некоторые еще и говорят по-английски. При этом, как вы увидите, с арифметикой у них не очень.

Таким образом, пока другие дети учили буквы, Тонино получил подходящую для начинающего книгу. Но книга оказалась для него слишком легкой. Он прочел ее за десять минут, и пришлось дать ему другую. Вот так он открыл для себя книги. Чтение затягивало Тонино куда больше любых заклинаний. Он никак не мог начитаться. Перечитал все, что имелось в Доме Монтана и Публичной библиотеке, и тратил карманные деньги только на книги. Вскоре все знали: лучший подарок для Тонино – книга, а лучшая книга та, где герои попадают в невообразимо трудное положение и выпутываются из него без всякого волшебства. Тонино предпочитал фэнтези. В его любимых книгах происходили невероятные приключения, но магии не было и в помине: ни помочь, ни помешать она ничему не могла.

Бенвенуто все это полностью одобрял. Во время чтения Тонино сидел тихо-тихо, и коту было чрезвычайно удобно на нем располагаться. Паоло поддразнивал брата, называл его книжным червем, но по большому счету особенно не волновался. Он прекрасно знал, что всегда сумеет заставить Тонино оторваться от книги, коль скоро тот ему понадобится.

Беспокоился Антонио. Он всегда и обо всем беспокоился. Он боялся, что Тонино недосягает физических упражнений. Но все остальные в один голос твердили, что это ерунда. Они гордились Тонино. У него такая же ученая голова, как у Коринны, и, без сомнения, оба в конце концов окажутся в Капронском университете, как Великий дядя Умберто. У Монтана всегда кто-то пребывал в университете. Это означало, что они не какие-нибудь эгоисты и не скрывают теорию магии в своей семье; к тому же было очень полезно иметь доступ к заклинаниям, хранившимся в университетской библиотеке.

Несмотря на возлагаемые на Тонино надежды, заклинания по-прежнему давались ему нелегко, да и в школе он не проявлял особой сообразительности. Паоло был вдвое способнее его. С годами они оба свыклись с этим и не слишком переживали по этому поводу. Волновало их другое: постепенно стало ясно, что дела в Доме Монтана, да и во всей Капроне, идут далеко не лучшим образом.

Глава третья

Все началось с того, что Тонино почувствовал: с Бенвенуто творится что-то неладное. Несмотря на все заботы, которыми Тонино его окружил, Бенвенуто мало-помалу снова стал тощим и лохматым. Теперь ему было примерно столько же лет, сколько Тонино. Мальчик знал, что для кота это солидный возраст, и сначала решил, что Бенвенуто просто чувствует свои годы. Но потом он заметил, что Старый Никколо выглядит крайне озабоченным, почти таким же, как Антонио, и что дядя Умберто приходит к нему из университета чуть ли не каждый день. И всякий раз при его посещении Старый Никколо и тетя Франческа посылают за Бенвенуто, и Бенвенуто возвращается от них измотанный. Он спросил у Бенвенуто, что происходит.

В ответ Бенвенуто проворчал, что они могли бы дать коту покой, даже если герцог болван. И что ему совершенно не нужно, чтобы еще и Тонино ему докучал.

Тонино поговорил с Паоло. Выяснилось, что у Паоло тоже душа не на месте. Он уже давно присматривался к своей матери. Светлые волосы Элизабет стали на несколько оттенков светлее из-за седины, и выглядела она какой-то нервной. А когда он спросил ее, что произошло, она сказала: «Ничего, Паоло, ничего... только из-за всего этого очень сложно найти Розе мужа».

Розе уже минуло восемнадцать. Вопросом о муже для Розы занимался весь дом, и, как теперь заметил Паоло, суеты и волнений по этому поводу было куда больше, чем когда три года назад выдавали замуж кузину Клаудию. Семье Монтана приходилось тщательно выбирать тех, с кем они вступали в брак. И это понятно. От нового члена семьи требовалось, чтобы он (или она) обладал хоть каким-то талантом к волшебству или музыке, чтобы нравился всем остальным Монтана и, самое главное, не имел никаких связей с Петрокки. Тем не менее кузина Клаудия нашла Артуро и вышла за него замуж без тех дискуссий и волнений, которые всю кипели вокруг Розы. Паоло мог только предположить, что причина тому крылась во «всем этом», что бы ни имела в виду Элизабет.

Какова бы ни была причина, споры бушевали. Озабоченный Антонио заявил, что поедет в Англию, чтобы посоветоваться с неким господином по имени Крестоманси.

– Нам нужен для нее действительно сильный чародей, – сказал он. – Мастер по части заклинаний.

На это Элизабет возразила, что Роза итальянка и должна выйти замуж за итальянца. Все остальные Монтана с ней согласились, разве только добавили, что этот итальянец должен быть из Капроны. Оставался вопрос – кто именно?

У Паоло, Лючии и Тонино не было ни малейших сомнений. Они хотели, чтобы Роза вышла замуж за их двоюродного брата Ринальдо. Им казалось, что Роза и Ринальдо исключительно подходят друг другу. Роза – хорошенькая, Ринальдо – красавец-мужчина. И ни у кого никаких возражений. Решительно никаких. Правда, имелись две загвоздки. Первая – та, что Ринальдо не выказывал к Розе никакого интереса. В те дни он был отчаянно влюблен в одну стопроцентную англичанку, Джейн Смит, – Ринальдо выговаривал это имя с трудом, – которая приехала копировать картины из расположенной на Корсо Художественной галереи. Джейн была романтической девицей, и, чтобы ей понравиться, Ринальдо теперь одевался во все черное и носил на шее красный шарф, как все бандиты. Поговаривали, что он собирается к тому же отрастить бандитскую бороду. В общем, ему было вовсе не до двоюродной сестры, которую он знал всю жизнь.

Вторая загвоздка была в самой Розе. Она никогда не интересовалась Ринальдо. И похоже, была единственным человеком в Доме Монтана, которого совершенно не волновало, за кого она выйдет замуж. Когда споры доходили до крика и брани, она только встряхивала ниспадающими до плеч белокурыми кудрями и улыбалась:

– Послушать вас всех, так можно подумать, что я тут совсем ни при чем. Просто смешно!

В ту осень волнения в Доме Монтана все усиливались и усиливались. Паоло и Тонино спросили тетю Марию, в чем, собственно, дело. Сначала тетя Мария от них отмахнулась: они еще малы и им этого не понять. Потом – поскольку в иные минуты она накалялась не меньше тети Джины и даже тети Франчески – она вдруг гневно заявила, что Капрона катится в пропасть.

– Плохи наши дела, – разоткровенничалась тетя Мария. – Денег не хватает, туристы к нам не едут, с каждым годом мы все слабее. А тут еще Флоренция, Пиза и Сиена – три хищницы обсели нас вокруг, и каждый год то одна, то другая норовит оторвать от Капроны несколько квадратных миль. Если так и дальше пойдет, мы перестанем быть государством. И в довершение всех бед нынче нас ждет неурожай. А виноваты во всем эти выродки Петрокки. Да-да, можете мне поверить! Их заклятия больше не действуют. Нам, Монтана, одним не под силу держать на себе Капрону. А Петрокки даже и не пытаются! Работают по старинке, и все хуже и хуже. Да вы и сами видите. Будь это не так, разве могло бы случиться, чтобы из-за какой-то девчонки ее отец стал зеленым?!

Это звучало достаточно тревожно. Но было очевидным фактом, что и говорить. Все те годы, что Паоло и Тонино учились в школе, они только и слышали о соглашении, которое пришлось заключить с Флоренцией, и о том, что Пиза потребовала договор о правах на рыболовство и что Сиена подняла пошлины на импортируемые в Капрону товары. Они так к этому привыкли, что уже не замечали. Однако теперь все это показалось зловещим. А вскоре последовали новости еще хуже. Стало известно, что зимние паводки повредили Старый мост. Он дал трещину.

Это известие повергло Дом Монтана в смятение. Старый мост должен был устоять. Если он не выдержал, это означало, что заклинания Монтана у основания его быков тоже не выдержали. Тетя Франческа кричала на весь двор:

– Это все Петрокки! Вконец выродились! Даже старое свое заклятие поддержать не могут! Нас предали!

Хотя никто другой не произносил вслух подобных слов, тетя Франческа, вероятно, выражала мнение всей семьи.

И словно мало было этой беды, Ринальдо, отправившегося в тот вечер навестить свою англичанку, всего в крови привели домой кузены Карло и Джованни. Насколько можно было понять из рассказа Ринальдо – а он употреблял такие бранные слова, каких Паоло и Тонино сроду не слышали, – он повстречал нескольких Петрокки. Он назвал их выродками. Теперь настала очередь тети Марии метаться с криками по двору, понося этих Петрокки на чем свет стоит. Ринальдо был ее любимчиком, она в нем души не чаяла.

Ринальдо уже перевязали и уложили в постель, когда Антонио и дядя Лоренцо вернулись с осмотра Старого моста. Они выглядели очень озабоченными. На мосту они застали Гвидо Петрокки собственной персоной вместе с герцогским подрядчиком мистером Андретти. Несколько сильнейших заклинаний пришли в негодность. Восстановление их займет не меньше трех недель и потребует усилий обеих семей целиком, при посменной работе.

– Да, Ринальдо очень бы нам пригодился! – вздохнул Антонио.

Ринальдо клялся, что у него достаточно сил, чтобы встать с постели и завтра же выйти работать, но тетя Мария и слышать об этом не хотела, а доктор ее поддержал. Всех остальных членов семьи разбили на смены, и работа началась и не прекращалась ни днем ни ночью. Паоло, Лючия и Коринна каждый день шли на мост прямо из школы. Тонино туда не брали. При его медлительности от него было бы мало проку. Но он не очень огорчился: из рассказов Паоло он понял, что не много потерял. Паоло просто не успевал за бешеными темпами работ по укреплению заклинаний. Его и недотепистого кузена Доменико использовали для мелких поручений. Тонино очень по-доброму относился к Доменико, который был полной противоположностью своему лихому брату Ринальдо и тоже не выдерживал темпов современной жизни.

Работы шли – даже под проливным дождем – уже почти неделю, когда герцог вызвал Старого Никколо для разговора.

Старый Никколо стоял во дворе и теребил остатки волос на голове. Тонино отложил в сторону книгу (она называлась «Машины смерти» и была очень увлекательной) и спустился во двор посмотреть, чем он сможет помочь.

– А, Тонино, – обрадовался Старый Никколо, повернув к нему свое лицо огорченного младенца. – У меня огромная проблема. Все наши заняты на Старом мосту, этот осел Ринальдо прикован к постели, а мне необходимо предстать перед герцогом с кем-нибудь из членов моей семьи. Петрокки тоже туда вызваны. Не можем же мы явиться в меньшем количестве, чем они! Ох, ну почему Ринальдо именно сейчас затеял эту глупую свару с Петрокки?

Тонино не сообразил, что на это сказать, поэтому спросил:

– Сходить за Бенвенуто?

– Нет-нет, – ответил Старый Никколо, еще более расстроенный, чем прежде. – Герцогиня не выносит кошек. От Бенвенуто там будет мало проку. Мне нужно взять с собой тех, от кого мало проку на мосту. Поедешь ты, Тонино, и Паоло, и Доменико, и еще я возьму с собой вашего дядю Умберто – для солидности и веса. Пожалуй, в таком составе мы не будем выглядеть чересчур маломощными.

Очень лестным это приглашение, пожалуй, нельзя было считать, но Тонино и Паоло были в восторге. В восторге, несмотря на то что на завтра с самого рассвета зарядил колючий зимний дождь. Утренняя смена вернулась со Старого моста под поблескивающими зонтиками, во влажной одежде и сильно не в духе. Вместо отдыха им пришлось тут же включиться в подготовку тех, кто отправлялся во дворец.

Из каретного сарая выкатили семейный экипаж, поставили под галереей и тщательно стерли с него пыль. Это была вместительная черная карета со стеклянными окнами и чудовищными черными колесами. На тяжелых дверцах красовались крылатые кони Монтана на зеленом щите. Дождь лил не переставая. Паоло, который ненавидел дождь так же люто, как

кошки, очень обрадовался тому, что карета настоящая. Лошади настоящими не были. Четыре лошади, вырезанные из белого картона, стояли прислоненными к стенке каретника. Идея экономить средства подобным образом принадлежала отцу Старого Никколо. Настоящим лошадям, объяснял он, нужно есть, постоянно двигаться, и для них нужно обеспечить место, где вполне может жить часть семьи. Кучер, тоже и по тем же соображениям вырезанный из картона, находился внутри кареты.

Мальчикам очень хотелось посмотреть, как будут оживлять эти картонные фигуры, но мать увела их со двора домой. У Элизабет, проработавшей все утро на мосту, еще не высохли волосы, а зевала она так, что казалось, у нее вот-вот отвалится челюсть, но это не помешало ей приняться за Паоло и Тонино, которых она из последних сил вымыла, причесала и передела. К тому времени, когда они – каждый с тщательно прилизанными мокрыми волосами, в ужасно неудобном широком белом воротнике поверх жесткой форменной курточки – спустились во двор, волшебство уже состоялось. Лента с заклинаниями была аккуратно вплетена в упряжь, а кучеру вложена внутрь бумажного кафтана. Четыре лоснящиеся белые лошади, готовые к выезду, били копытами, кучер восседал на козлах, поправляя салатно-зеленую шляпу.

– Великолепно! – воскликнул на ходу Старый Никколо, выпархивая во двор. И, переведя удовлетворенный взгляд с мальчиков на экипаж, скомандовал: – Влезайте, мальчики! Влезай, Доменико! Нам надо еще забрать Умберто из университета.

Тонино попрощался с Бенвенуто и полез в карету. Несмотря на уборку, внутри пахло плесенью. Тонино был рад, что дедушка в таком хорошем настроении. И все вокруг, видимо, тоже. А когда карета загромыкала к воротам, члены Дома Монтана провожали ее веселыми напутствиями. Старый Никколо улыбался и махал из окна. «Может быть, – подумал Тонино, – из посещения герцога выйдет что-то очень хорошее для нас и все волнения разом кончатся».

Ехать в карете было одно удовольствие, Тонино никогда еще не чувствовал себя таким важным. Карета громыкала и покачивалась. Лошади цокали подковами по булыжнику, как самые что ни на есть настоящие, и люди спешили очистить мостовую. Кучер правил так искусно, что тут явно не обошлось без волшебства. И хотя на всех улицах стояли лужи, карета была почти не забрызгана, когда они с громкими криками «Тпру, тпру!» остановились возле университета.

Дядя Умберто влез в карету; он был в красной с золотом магистерской мантии и таком же превосходном настроении, как Старый Никколо.

– Утро доброе, Тонино, – сказал он, обращаясь к Паоло. – Как твой кот? Утро доброе, – сказал он, повернувшись к Доменико. – Я слышал, эти Петрокки тебя избили.

Доменико, который скорее умер бы, чем дерзнул обругать кого-нибудь из Петрокки, пусть даже одного, стал краснее мантии на дяде Умберто и просипел что-то невнятное. Дядя Умберто никак не мог запомнить, кто есть кто из младших Монтана. Бросив на Тонино недоумевающий взгляд, словно хотел спросить: «А это кто?» – он повернулся к Старому Никколо.

– Петрокки наверняка помогут, – сказал он. – Мне это сам Крестоманси сообщил.

– Мне тоже, – сказал Старый Никколо, но в голосе его слышалось сомнение.

Карета громыкала по залитому дождем Корсо и свернула к Новому мосту, проезжая по которому загромыкала еще громче. Паоло и Тонино смотрели в окна; они так волновались, что не могли говорить. Миновав вздувшуюся реку, карета поползла вверх, где перед шикарными виллами раскачивались на ветру кипарисы, а затем покатила между замызганных старых стен. Наконец они громыкали под величественной аркой и заложили крутой вираж по переднему двору герцогского дворца.

Впереди их кареты другой экипаж, выглядевший игрушечным рядом с необъятным фасадом дворца, уже подъезжал к огромному мраморному крыльцу. Экипаж этот тоже был черным, а на дверцах виднелись темно-красные щиты с леопардами, стоящими на задних лапах. Уви-

дети, кто вышел из экипажа, Монтана не успели и теперь с завистью разглядывали сам экипаж и коней. Это были черные стройные красавцы с выгнутыми шеями.

– По-моему, они настоящие, – шепнул Паоло.

Тонино не успел ему ответить, потому что два лакея и солдат подскочили к дверцам кареты, чтобы открыть их и помочь сидящим в ней выйти, и первым из нее выпрыгнул Паоло. Но после него произошла заминка: Старый Никколо и дядя Умберто выходили очень медленно. Тонино воспользовался этим, чтобы через заднее окно посмотреть на отъезжающий от крыльца экипаж Петрокки. Он отчетливо увидел маленькую темно-красную ленточку с заклинанием, трепещущую под упряжью на ближайшем черном коне.

«То-то же!» – с триумфом подумал Тонино. А вот кучер... кучер, скорее всего, был настоящий. Это был молодой человек, бледный, с рыжеватой шевелюрой, с которой плохо сочеталась темно-вишневая ливрея, и смотрел он перед собой напряженно-внимательным, сосредоточенным взглядом, словно говорившим: нелегко управлять ненастоящими конями! Нет, такой взгляд был чересчур человеческим и не мог принадлежать картонному кучеру.

Когда Тонино спрыгнул с подножки – прямо на пятки взбудораженного Доменико, – он для сравнения бросил взгляд на их собственного кучера. Тот выглядел умелым и бойким. Сидел на козлах, приложив негнущуюся руку к шляпе и уставившись прямо перед собой. «Нет, кучер у Петрокки действительно настоящий», – с завистью подумал Тонино.

Но тут они с Паоло последовали за остальными во дворец, и ему стало не до кучеров. Дворец был огромный и великолепный. Их вели через необъятные залы с натертыми до зеркального блеска полами и золочеными потолками, и залам этим, казалось, не было конца. По обе стороны нескончаемых стен, добавляя им величия, рядами стояли статуи, или лакеи, или солдаты. На фоне этой роскоши они с Паоло чувствовали себя чуть ли не оборванцами и с облегчением вздохнули, когда их ввели в комнату размером не больше двора Дома Монтана. Правда, пол в ней сиял и потолок был расписан под небо, на котором сражались сонмы ангелов, зато стены были обиты очень уютным красным сукном, а по обеим сторонам стояли в ряд почти простые золоченые стулья.

Одновременно с ними в эту комнату ввели другую группу людей. Доменико только взглянул на них и сразу перевел глаза на ангелов, изображенных на потолке. Старый Никколо и дядя Умберто повели себя так, словно этих людей здесь и вовсе не было. Паоло и Тонино попытались вести себя так же, но у них это не получалось.

«Значит, вот они – Петрокки», – думали мальчики, украдкой на них поглядывая. Тех было всего четверо против них пятерых. У Монтана на одного больше. И двое из этих Петрокки – дети. Совершенно ясно, что этим Петрокки было не менее трудно, чем Монтана, предстать перед герцогом в солидном составе, и они, по мнению Паоло и Тонино, сделали грубую ошибку, оставив одного из членов своей семьи в карете.

Они не производили внушительного впечатления. Их представитель от университета, хрупкий старичок гораздо старше дяди Умберто, казалось, совсем потерялся в своей красной с золотом мантии. Самое внушительное впечатление производил человек, возглавлявший группу, – сам Старый Гвидо, надо полагать. Он был не таким старым, как Старый Никколо, и хотя одет в точно такой же черный сюртук и в такой же глянцевиной шляпе на голове, но на Старом Гвидо при его ярко-рыжей бороде все это выглядело как-то несуразно. Волосы у него были весьма длинные, волнистые и черные. И хотя смотрел он прямо перед собой, холодно и важно, кто же мог бы забыть, что по милости собственной дочери он однажды ходил зеленым!

Двое младших Петрокки были девочки. Обе рыжеватые. Обе с надменными, вытянутыми лицами. Обе в белоснежных чулках и строгих черных платьях, и обе, ясное дело, препротивные. Разница между ними состояла в том, что младшую – видимо, ровесницу Тонино – отличал большой выпуклый лоб, который делал ее лицо даже надменнее, чем у сестры. Возможно, одна из них и была пресловутой Анджеликой, превратившей родного отца в зеленое пугало.

Мальчики в упор разглядывали их, пытаясь решить, которая из двух Анджелика, пока не встретились с надменным, насмешливым взглядом старшей девочки. Она, ясное дело, считала, что это они похожи на шутов гороховых. Но Паоло и Тонино твердо знали, что они, напротив, выглядят щеголями – недаром им в их одежде было так неудобно! – а потому и не подумали обращать на нее внимание. Подождав немного, члены каждой группы принялись беседовать между собой, словно других здесь вовсе не было.

– Какая из них Анджелика? – шепотом спросил Тонино.

– Не знаю, – буркнул Паоло.

– Разве ты не видел их на мосту?

– Никого из них я там не видел. Они все в другой...

Часть красной портьеры отлетела в сторону, и в зал стремительно вошла статная дама.

– Прошу прощения, – сказала она. – Герцог немного задерживается.

Все, кто был в зале, склонили головы и залепетали «ваша светлость», потому что это была герцогиня. Но Паоло и Тонино, хотя тоже наклонили головы, смотрели на нее во все глаза: им очень хотелось знать, какая она из себя. На ней было жесткое сероватое платье, наводившее на мысль о статуе святой, и лицо ее вполне могло быть лицом такой статуи. Оно было белое с восковым оттенком, как если бы герцогиню изваяли из мрамора. Впрочем, Тонино не был уверен, что она так уж похожа на святую. Изогнутые брови саркастически поднимались стрельчатой аркой, а крепко сжатый рот выражал нетерпение. На мгновение Тонино далее показалось, что он чувствует, как это нетерпение – и другие далекие от святости чувства – изливается из-под восковой маски в комнату, словно сильный тяжелый запах.

– Синьор Никколо Монтана? – улыбнулась герцогиня Старому Никколо.

В голосе ее не было и намека на нетерпение, звучало одно величие. «Нет, – подумал про себя Тонино, – просто я начитался всякой всячины». Пристыженный, он наблюдал, как Старый Никколо поклонился герцогине и стал их всех представлять. Герцогиня милостиво кивала. Затем повернулась к Петрокки:

– Синьор Гвидо Петрокки?

Рыжебородый поклонился в грубой, резкой манере. Ничего похожего на светскость Старого Никколо.

– Точно так, ваша светлость. Со мной мой двоюродный брат, доктор Луиджи Петрокки, моя старшая дочь Рената и младшая, Анджелика.

Паоло и Тонино устали на младшую, разглядывая ее от выпуклого лба до тонких белых ног. Значит, вот она, Анджелика. Она вовсе не выглядела способной учинить какую-то пакость или что-то интересное.

– Полагаю, вам понятно, почему... Красная портьера опять отлетела в сторону.

Тучный мужчина, очень возбужденный на вид, наклонив голову, шагнул к герцогине и схватил ее за рукав:

– Вы непременно должны это видеть, Лукреция! Декорации – сплошной восторг!

Герцогиня повернулась, как, возможно, повернулась бы статуя, – всем корпусом. Брови ее поднялись выше некуда, губы сжались еще крепче.

– Милорд герцог!¹ – воскликнула она ледяным тоном.

Тонино устал на толстяка. Сейчас на нем был немного потертый зеленый бархатный кафтан с большими медными пуговицами. Все остальное полностью совпадало с огромным Мистером-Блистером, который тогда на Корсо мешал представлению Панча и Джуди. Значит, это был-таки герцог Капронский. И ледяной тон герцогини нисколько его не окоротил.

¹ Прадед герцога был англоманом. Он издал указ обращаться к нему на английский манер. И к герцогине тоже. С тех пор так и пошло. Сначала при дворе, а потом и в городе.

– Вы должны на это посмотреть! – заявил он в состоянии крайнего возбуждения, таща ее за рукав. Он повернулся к Монтана и Петрокки, словно ожидая, что они помогут ему с герцогиней, но тут, видимо, до него дошло, что это вовсе не придворные. – Вы кто?

– Это, – сказала герцогиня (брови ее были все еще высоко подняты, голос выражал терпение), – это Петрокки и Монтана. Они ждут ваших приказаний, милорд.

Герцог ударил себя по лбу широкой, явно влажной ладонью.

– А, будь оно неладно! Так это же наши чудодеи. Мастера заклинаний. Я как раз собирався за вами послать! Значит, вы пришли по поводу этого колдуна, что вонзил свой нож в Капрону? – обратился он к Старому Никколо.

– Милорд! – произнесла герцогиня с каменным лицом.

Но герцог уже оставил ее и, весь светясь и сияя, подлетел к семейству Петрокки. Он крепко пожал руку Гвидо и руку Ренаты. Затем, повернувшись кругом, проделал то же самое со Старым Никколо и Паоло. Паоло тайком вытер руку о штаны, едва лишь герцог отпустил ее.

– Говорят, молодежь у вас такая же умная, как старики, – восторженно трещал герцог. – Потрясающие семьи! Именно такие люди мне нужны. Для моей пьесы, для моей пантомимы. Мы ставим ее здесь на Рождество, и я включил бы в нее два-три настоящих театральных эффекта.

Герцогиня испустила глубокий вздох. Паоло взглянул на ее каменное лицо и подумал, что, должно быть, нелегко иметь дело с таким мужем, как герцог.

А герцог уже наступал на Доменико.

– Вы можете устроить полет ангелов, играющих на трубах? – с жаром спросил он.

Доменико поперхнулся, сглотнул и выдавил из себя слово «иллюзия».

– О, превосходно! – бросил герцог и повернулся к Анджелике Петрокки. – Вам понравится моя коллекция Панчей и Джуди, – сказал он. – Их у меня сотни!

– Как интересно, – надменно обронила Анджелика.

– Милорд, – сказала герцогиня, – эти добрые люди пришли сюда вовсе не затем, чтобы говорить о театре.

– Да? Возможно, возможно, – отозвался герцог, нетерпеливо взмахнув своей широкой рукой. – Но раз уж они здесь, могу же я спросить их и об этом. А? Или не могу? – сказал он, наступая на Старого Никколо.

Старый Никколо проявил исключительное присутствие духа.

– Конечно, ваша светлость. О чем речь? После того как мы обсудим государственные дела, ради чего сюда пришли, мы с радостью примем от вас заказ на любые театральные эффекты, какие только пожелаете.

– И мы тоже, – вставил Гвидо Петрокки, метнув мрачный взгляд поверх головы Старого Никколо.

Герцогиня милостиво улыбнулась Старому Никколо за поддержку, отчего Старый Гвидо стал мрачнее тучи и остановил на герцогe многозначительный взгляд.

Тут до герцога, видимо, кое-что наконец дошло.

– Да-да, – спохватился он. – Займемся лучше делами. Обстоятельства, видите ли, таковы...

– Стол с закусками, – прервала его герцогиня, улыбаясь своей неизменно любезной улыбкой, – накрыт в малом конференц-зале. Если вы и взрослые сообразоволяете перейти для беседы туда, я устрою что-нибудь здесь для детей.

Гвидо Петрокки увидел шанс поквитаться со Старым Никколо.

– Ваша светлость, – гаркнул он, – мои дочери душой и телом преданы Капроне. Как и все остальные члены моего дома. У меня нет от них секретов.

Герцог одарил его лучезарной улыбкой:

– И это прекрасно! Но им будет не так скучно, если они останутся здесь.

И сразу все, кроме Паоло, Тонино и двух девчонок Петрокки, стали скопом протискиваться через дверь за красной портьерой.

– Знаете что, – обернулся герцог, сияя, – вы непременно должны прийти на мою пантомиму. Все, все. Она вам понравится! Я отправлю вам билеты. Идемте, Лукреция!

Четверка детей осталась стоять под потолком со сражающимися ангелами.

Мгновение спустя девочки Петрокки прошагали к стоящим у стены стульям и сели. Паоло и Тонино переглянулись и, промаршировав к противоположной стороне комнаты, уселись там. На безопасном расстоянии. Оттуда девчонки Петрокки казались темными кляксами с тонкими белыми ногами и чем-то вроде воздушных шаров на месте головы.

– Жаль, не взял с собой что-нибудь почитать, – сказал Тонино.

Они сидели, зацепившись каблуками за нижнюю перекладину стула и пытаясь быть терпеливыми.

– Я думаю, герцогиня все равно что святая, – сказал Паоло. – Нужно быть святой, чтобы быть столь терпеливой с герцогом.

Тонино удивило, что Паоло так думает. Да, конечно, герцог вел себя не совсем по-герцогски, а герцогиня была герцогиней до кончиков ногтей. Но он не был уверен, что то, как она всем показывала свое терпение, так уж хорошо.

– Мама тоже, бывает, расходится, – возразил он, – и отец при этом ничего, на дыбы не становится. Наоборот, выглядит менее озабоченным.

– Отец не герцогиня, – заметил Паоло. Тонино не стал возражать, потому что в эту минуту появились два лакея, которые толкали перед собой столик на колесиках. В высшей степени привлекательный столик! Тонино даже рот разинул: столько пирожных сразу он не видел никогда в жизни.

На другой стороне комнаты чернели широко раскрытые рты девчонок Петрокки. Так много пирожных сразу они явно никогда не видели. Тонино тут же закрыл рот и постарался сделать вид, будто для него это повседневное зрелище.

Первыми лакеи обслужили девчонок Петрокки. Обе отнеслись к угощению более чем прохладно, и им потребовалось чуть ли не несколько часов, чтобы сделать выбор. Когда столик наконец покатила на другую сторону, к Паоло и Тонино, они оказались не в силах проявить такую же выдержку. Пирожных было двадцать сортов. Мальчики поспешно похватывали по десять штук на брата, по одному пирожному каждого сорта, чтобы в случае чего можно было поменяться. Когда столик увезли, Тонино, оторвав глаза от тарелки, взглянул на девчонок узнать, что они там делают. Обе сидели, приподняв белые коленки, на которых стояли большие тарелки с десятью пирожными на каждой.

Это были вкуснящие пирожные. К тому времени, когда Паоло приступил к десятому – а ел он медленно, раздумывая, так ли уж ему хочется съесть вот эту меренгу, – Тонино справлялся всего лишь с шестым. А в тот момент, когда Паоло аккуратно поставил пустую тарелку под стул и обтер губы носовым платком, Тонино, перемазанный вареньем, перепачканный кремом и весь обсыпанный бисквитными крошками, с трудом впихивал в себя восьмое. И надо же было, чтобы как раз в этот момент рядом с Паоло уселась герцогиня.

– Не стану мешать твоему брату, – смеясь, сказала она. – Расскажи мне о себе, Паоло.

У Паоло язык прилип к гортани. Все его мысли сосредоточились на одном: какой ужасный у Тонино вид!

– Ну, например, – пришла ему на помощь герцогиня, – легко ли тебе дается волшебство? Трудно этому учиться?

– О нет, ваша светлость, – с гордостью ответил Паоло. – Учение дается мне легко!

И тут же ему стало не по себе: таким ответом он мог ранить Тонино. Он бросил быстрый взгляд на заляпанное кремом лицо брата и увидел, что тот, насупившись, уставился на герцогиню. Паоло стало стыдно, он почувствовал себя ответственным за брата. Надо объяснить гер-

погине: Тонино вовсе не глупый мальчишка с напрочь перемазанным лицом, который только и умеет, что пялить глаза.

– Тонино не очень способный, – сказал он. – Зато он все время читает. Все книги в библиотеке перечитал. Он уже почти такой же умный, как дядя Умберто.

– Это замечательно, – улыбнулась герцогиня.

В изогнутых ее бровях нарисовался штришок недоверия. Тонино овладело такое смещение, что он разом откусил чуть ли не половину девятого пирожного – слойки со взбитыми сливками. Она мгновенно залепила ему весь рот. Тонино знал: если он откроет рот – даже чтобы вдохнуть, – его содержимое тут же потоком выплюхнется на Паоло и герцогиню. Он сжал губы и стал отчаянно жевать. И, к великому смущению Паоло, продолжал пялиться на герцогиню. Как ему не хватало Бенвенуто! Бенвенуто рассказал бы ему о герцогине. Ведь это из-за нее у него сумбур в голове. Когда герцогиня, улыбаясь, склоняется к Паоло, то вовсе не кажется важной, строгой дамой, которая так терпеливо обходится с герцогом. И все же, может оттого, что на самом деле она не была такой уж терпеливой, Тонино, как никогда, чувствовал, что за ее восковой улыбкой таится недобрая сила несправедливых побуждений и мыслей.

Паоло все бы отдал, чтобы Тонино прекратил жевать и пялиться. Но Тонино и не думал прекращать, а брови герцогини так явно выражали недоверие, что Паоло не выдержал:

– И еще Тонино единственный, – выпалил он, – кто умеет разговаривать с Бенвенуто. Бенвенуто – главный среди наших кошек. Ваша... – Он вспомнил, что герцогиня не любит кошек. – Мм... вы не любите кошек, ваша светлость?

Герцогиня рассмеялась:

– Но я вовсе не против послушать о них.

Так что Бенвенуто?

К облегчению Паоло, Тонино перевел свои выпученные глаза с герцогини на него. И он продолжил:

– Видите ли, ваша светлость, заклинания действуют куда лучше и сильнее, если рядом кошка, и особенно если это Бенвенуто. К тому же Бенвенуто знает много такого...

Его прервал гулкий звук, исходивший от Тонино. Не открывая рта, мальчик пытался что-то сказать. Было ясно, что из него вот-вот хлынет недожеванная слойка со взбитыми сливками. Паоло поспешно выхватил свой измазанный вареньем и кремом платок.

Герцогиня встала, и весьма поспешно.

– Пожалуй, мне пора взглянуть, что поделявают другие гости, – сказала она и быстро скользнула к девочкам Петрокки.

Паоло с обидой отметил, что девочки Петрокки встретили ее в полной готовности. Их носовые платки успели усердно поработать, а тарелки давно уже стояли, аккуратно задвинутые под стулья. На каждой лежало по крайней мере три пирожных. Это воодушевило Тонино. Он неважно себя чувствовал. Положив остаток девятого пирожного на тарелку рядом с десятым, он бережно поставил ее на соседний стул. И проглотил все, что было во рту.

– Зря ты говорил с ней о Бенвенуто, – сказал он, вынимая носовой платок. – Это наш семейный секрет.

– Мог бы сам хоть два слова сказать, а не сидеть истуканом, пялясь, как огородное пугало, – огрызнулся Паоло.

Ему обидно было видеть, как эти девчонки Петрокки весело болтают с герцогиней. Большелобая Анджелика смеялась. Это так рассердило Паоло, что он сорвался:

– Погляди, как эти девчонки подлизываются к герцогине!

– Вот чего не умел и не умею, – отрезал Тонино.

Паоло хотелось сказать: «Жаль, что не умеешь», – но у него словно язык отнялся. Он сидел, надувшись, и наблюдал, как герцогиня по другую сторону комнаты разговаривает с девочками. Наконец она встала и собралась уходить. Она не забыла улыбнуться Паоло и Тонино

и помахала им рукой. Паоло решил, что это очень любезно с ее стороны, учитывая, какими остолопами они себя показали.

Вскоре после этого красная портьера опять отодвинулась, и в комнату, медленно шествуя рядом со Старым Гвидо, вернулся Старый Никколо. Вслед за ними шли оба двоюродных деда в мантиях, а за ними Доменико. Совсем как торжественное шествие. Все смотрели прямо перед собой, и было ясно, что каждый погружен в свои тревожные мысли. Дети – все четверо – встали, стряхнули крошки и присоединились к процессии. Паоло оказался в паре со старшей девочкой; он тщательно избегал смотреть на нее. В полном молчании они проследовали к парадной входной двери дворца, к которой уже подъезжали готовые принять их кареты.

Первой подъехала карета Петрокки с четырьмя черными конями в подтеках и каплях от дождя. Тонино еще раз придирчиво оглядел кучера, очень надеясь, что ошибся на его счет. По-прежнему лило как из ведра, и одежда на нем насквозь промокла. Его рыжие, как у всех Петрокки, волосы стали пепельно-ржавыми от влаги под мокрой шапкой. Когда он нагнулся, его била дрожь, а глаза на бледном лице смотрели вопрошающе, словно ему не терпелось услышать, что сказал герцог. Нет, кучер у Петрокки был, что и говорить, самый настоящий. Кучер Монтана, подъехавший следом, глядел в пространство невидящим взглядом, не обращая внимания ни на дождь, ни на своих пассажиров. Тонино признал, что у Петрокки выезд лучше.

Глава четвертая

Карета покатила домой, и Старый Никколо, откинувшись на спинку сиденья, сказал:

– Герцог – человек очень добродушный. Да, очень. Возможно, он вовсе не такой простофиля, каким кажется.

– Когда мой отец был еще мальчиком, – отозвался дядя Умберто, и голос его прозвучал мрачнее мрачного, – его отец бывал во дворце еженедельно. И принимали его там как друга.

– Но мы, по крайней мере, продали несколько сценических эффектов, – робко вставил Доменико.

– Это как раз то, – отрезал дядя Умберто, – что меня только огорчает.

Тонино и Паоло взглянули друг на друга, недоумевая, что их так угнетает, этих взрослых. Старый Никколо заметил их переглядывание.

– Гвидо Петрокки хотел, чтобы его противные дочери присутствовали при нашем совещании с герцогом, – сказал он. – Я не...

– Бог ты мой! – перебил его дядя Умберто. – Кто же слушает этих Петрокки!

– Да, но нужно доверять своим внукам, – сказал Старый Никколо. – Послушайте, мальчики, дела в старой Капроне, по всей видимости, принимают плохой оборот. Три государства – Флоренция, Пиза и Сиена – опять объединились против нее. Герцог подозревает, что они наняли некоего колдуна, чтобы...

– Ха! – воскликнул дядя Умберто. – Наняли Петрокки!

– Дядя, – вмешался Доменико, который внезапно набрался храбрости, – по-моему, Петрокки не больше предатели, чем мы!

Оба старика смерили его уничтожающим взглядом. Доменико съежился.

– Дело в том, – продолжил Старый Никколо, – что Капрона уже не то великое государство, каким было прежде. И тому, без сомнения, есть много причин. Но мы знаем, и герцог знает – даже Доменико знает, – что каждый год мы творим чары для защиты Капроны, и каждый год

сильнее, и с каждым годом они дают все меньший эффект. Что-то или кто-то, без сомнения, истощает нашу силу. Потому герцог и спрашивает, что еще мы можем сделать. И...

– И мы сказали, – со смехом перебил его Доменико, – что найдем слова «Капронского Ангела».

Паоло и Тонино ожидали, что сейчас Доменико снова получит по полной программе, но оба старика только помрачнели. И оба печально опустили головы.

– Но я не понимаю, – сказал Тонино. – Ведь у «Капронского Ангела» есть слова. Мы поем их в школе.

– Неужели твоя мать не научила тебя?.. – сердито начал Старый Никколо. – Ах да. Я забыл. Твоя мать – англичанка.

– Еще одна причина тщательно выбирать себе пару, когда женишься, – хмуро проговорил дядя Умберто.

Дождь не переставая стучал по стенкам кареты, и оба мальчика совсем потерялись и сникли. Доменико, видимо, решил, что они очень смешные, и снова прыснул со смеху.

– Угомонись! – прикрикнул на него Старый Никколо. – В последний раз беру тебя туда, где подают бренди. Нет, мальчики, у «Капронского Ангела» подлинных слов нет. Те слова, что вы поете, – временная замена. Говорят, что достоправный Ангел унес слова с собой на небо после победы над Белой Дьяволицей, оставив только мелодию. Или что с тех пор слова вообще утрачены. Но все знают: Капрона не может быть истинно великой, пока слова эти не будут найдены.

– Иначе говоря, – с досадой сказал дядя Умберто, – «Капронский Ангел» – такое же заклинание, как и всякое другое. А без должных слов любое заклинание, даже божественного происхождения, действует вполсилы. – Он подобрал свою мантию, так как карета дернулась и остановилась у университета. – А мы, как последние олухи, обязались закончить то, что сам Господь оставил незавершенным. Вот она, человеческая самонадеянность. – И, уже выходя из кареты, заверил Старого Никколо: – Я загляну во все рукописи, какие только знаю. Где-то должен быть ключ. Ну и ливень! Проклятье!

Дверь захлопнулась, и карета снова дернулась.

– А что, Петрокки тоже обещали разыскать слова? – спросил Паоло.

Старый Никколо сердито поджал губы:

– Обещали. И я умру от стыда, если они опередят нас.

Он не договорил, потому что карета накренилась, огибая угол, и въехала на Корсо. Струя воды хлестнула мимо окна.

Доменико бросило вперед.

– Не сказал бы, что этот там умеет править, а?

– Помолчи! – цыкнул на него Старый Никколо, а Паоло прикусил язык: так сильно его несколько раз тряхнуло.

Что-то разладилось. Куда-то пропали привычные звуки катящейся кареты.

– Я не слышу цоканья копыт, – сказал Тонино, недоумевая.

– Так я и знал! – воскликнул Старый Никколо. – Это все дождь.

Он с грохотом опустил окно, в которое тут же ворвался мокрый ветер, и, не обращая внимания на глазающие из-под влажных зонтиков лица, высунулся наружу и прокричал слова заклинания.

– Поезжай скорей, кучер! – распорядился он. – Ну вот, – сказал он, закрывая окно, – теперь мы доедем до дому. Какое счастье, что Умберто сошел раньше, чем это произошло.

Вновь зазвучал цокот копыт по булыжнику, которым был вымощен проспект. Новое заклинание, по всей видимости, действовало. Но как только они свернули на виа Кардинале, звук изменился, превратившись в вялое «шлёп-шлёп», а когда они выехали на виа Магика, его почти совсем не стало слышно. Карету снова начало кренить и дергать – хуже, чем когда-либо.

А когда они развернулись, чтобы въехать в ворота Дома Монтана, произошел самый сильный за всю поездку толчок. Карету швырнуло вперед, раздался грохот – это дышло ударилось о булыжник. Паоло приоткрыл окно и увидел, как обмякшая бумажная фигура кучера шлепнулась в лужу. Рядом, закрыв собой колею, валялись две мокрые картонные лошади.

– Во времена моего деда, – вздохнул Старый Никколо, – этого заклинания хватало на много дней.

– Вы думаете, это козни того кудесника? – спросил Паоло. – Это он портит наши заклинания?

Старый Никколо уставился на него, пяля глаза, словно младенец, который вот-вот заплачет.

– Нет, дружок. Скорее всего, нет. По правде сказать, дела в Доме Монтана идут так же плохо, как и во всей Капроне. Прежняя наша доблесть убывает. Она убывала поколение за поколением и теперь почти иссякла. Мне стыдно, что тебе приходится познавать ее такой. Выходим, мальчики. Будем толкать карету.

Это было тяжкое унижение. Так как все остальные Монтана либо отсыпались, либо работали на Старом мосту, помочь им закатить карету во двор оказалось некому. От Доменико не было никакого проку. Позже он честно признался, что не помнит, как попал домой. Дед и двое внуков оставили его спящим в карете и втроем закатили ее внутрь. Даже Бенвенуто, примчавшийся несмотря на дождь, не поднял настроение Тонино.

– Одно утешение, – сказал, тяжело дыша, дед. – Дождь. Никого вокруг. Так что некому глазеть, как Старый Никколо тащит собственную карету.

Паоло и Тонино это не показалось большим утешением. Теперь они поняли, почему из дома не уходит малоприятное чувство тревоги. Они поняли, почему все так волновались из-за Старого моста и так радовались, когда перед Рождеством его наконец починили. И еще поняли, почему все так озабочены замужеством Розы. Потому что, как только мост был отремонтирован, все в доме вернулись к обсуждению этого вопроса. И Паоло с Тонино знали, почему все считают, что молодой человек, которого предстояло выбрать Розе, непременно – даже в ущерб всем другим достоинствам – должен обладать даром волшебства.

– Чтобы улучшить породу, да? – спросила Роза, относившаяся ко всему этому очень скептически и державшаяся независимо. – Прекрасно, дорогой дядя Лоренцо. Я буду влюбляться только в тех мужчин, которые умеют делать картонных лошадок непромокаемыми.

Дядя Лоренцо покраснел от обиды и возмущения. Из-за этой истории с лошадьми вся семья чувствовала себя униженной. Только Элизабет едва удерживалась от смеха. Элизабет, разумеется, поощряла Розу в ее независимости. Бенвенуто сообщил Тонино, что англичане все такие: у них это принято. Кошкам англичане нравятся, добавил он.

– Неужели мы и впрямь утратили нашу доблесть? – с волнением спросил у него Тонино, а про себя подумал, что, наверное, этим объясняется и его собственная тупость.

Бенвенуто сказал, что не знает, как было в прежние времена, но знает, что сейчас им вполне хватает волшебства, чтобы шерстка у него искрилась. Да, волшебства вроде бы вполне достаточно. Но иногда он сомневается, правильно ли его употребляют.

Примерно в это время в Дом Монтана стало приходиться вдвое больше газет. Обще-ственно-политические журналы из Рима и иллюстрированные из Генуи и Милана, а также местные газеты, капронские. В доме все их жадно читали и обсуждали вполголоса между собой. Отношение Флоренции, новые движения в Пизе и ужесточение мнений, высказываемых в Сиене. Во взволнованном ворчании все чаще стало слышаться слово «война». И вместо привычных рождественских гимнов в Доме Монтана днем и ночью звучала мелодия «Капронского Ангела».

Мелодию эту пели басы, тенора и сопрано. Ее высвистывали в медленном темпе на флейте, бренчали на гитаре, пикикали на скрипке. Каждый Монтана жил в надежде, что он

будет тем человеком, кто отыщет подлинные слова. У Ринальдо возникла новая идея. Он раздобыл барабан и, сидя на кровати, выбивал ритм, пока тетя Франческа не умолила его перестать. Но и это не помогло. Никто из Монтана не сумел даже начать подбирать к мелодии верные слова. Антонио ходил с таким озабоченным видом, что Паоло не мог смотреть на него.

При стольких волнениях и переживаниях вряд ли удивительно, что Паоло и Тонино каждый день с нетерпением ждали приглашения на герцогскую пантомиму. Это было единственное светлое пятно! Антонио и Ринальдо отправились – пешком – во дворец, чтобы поставить там театральные эффекты, и вернулись оттуда, но о приглашении не было сказано ни слова. Наступило Рождество. Монтана всей семьей пошли в церковь – в прекрасную церковь Сант-Анджело с мраморным фасадом – и вели себя с истинным благочестием. Обычно истинным благочестием отличались только тетя Анна и тетя Мария, известные своей набожностью, но теперь все чувствовали, что им есть о чем просить Господа. Но когда наступило время петь «Капронского Ангела», усердия семьи Монтана чуть поубавилось. На их лицах – от Старого Никколо до самого маленького двоюродного брата – появилось отсутствующее выражение. И они запели:

Весело труба играет,
Ангел песню распевает,
Мир и счастье воспевают
На Капроны площадях.

Нам победа не изменит,
Дружба крепкая поддержит,
Вечным миром обеспечит
На Капроны площадях.

В страхе дьявол отступает,
Зло Капрону покидает,
Добродетель расцветает
На Капроны площадях.

И каждый думал о том, как же все-таки звучат подлинные слова «Ангела».

Они вернулись домой для семейного торжества, но от герцога все еще не было ни слова. Закончилось Рождество. Наступил и прошел Новый год, и мальчикам пришлось примириться с мыслью, что никакого приглашения не будет. Каждый сказал себе: «Так я и знал, герцог про нас и думать забыл». Друг с другом они об этом не говорили. Но оба были горько разочарованы.

Из мрачного настроения их вывела Лючия. В один прекрасный день она промчалась по галерее с криком:

– Пошли смотреть на Розиного жениха!

– Что? – спросил Антонио, поднимая озабоченное лицо от книги про Капронского Ангела. – Что? Ничего ведь пока не решено.

Лючия, красная от возбуждения, переступила с ноги на ногу.

– Роза сама за себя решила! – выпалила она. – Я знала, что так и будет. Пошли!

Следом за Люцией Антонио, Паоло, Тонино и Бенвенуто промчались по галерее и вниз по каменным ступенькам в ее конце. Со всех сторон в комнату, называемую залом – она помещалась под столовой, – спешили люди и кошки.

Роза стояла ближе к окнам; счастливая, но с вызывающим видом, она обеими руками сжимала локоть смущенного на вид молодого человека с копной рыжевато-каштановых волос. На пальце Розы поблескивало яркое колечко. Рядом стояла Элизабет, у которой был такой же,

как и у Розы, счастливый и почти такой же вызывающий вид. Когда молодой человек увидел, как в дверь зала потоком вливается вся семья, окружая его плотным кольцом, лицо у него стало ярко-розовым, а рука потянулась вверх – ослабить узел элегантного галстука. Но при всем том каждому было ясно, что в душе молодой человек так же счастлив, как Роза. А Роза была необыкновенно счастлива и, казалось, вся сияла, подобно надвратному ангелу. И поэтому все, любуясь, смотрели на них во все глаза. Из-за чего, конечно, молодой человек ужасно сконфузился. Старый Никколо прочистил горло.

– Так вот, – начал он.

И осекся. Это было дело Антонио. Он посмотрел на Антонио.

Паоло и Тонино заметили, что отец сначала взглянул на мать. Счастливый вид Элизабет, видимо, немного успокоил его.

– Н-да... Так кто вы, собственно, и откуда? – обратился он к молодому человеку. – И где познакомились с Розой?

– Он был подрядчиком на Старом мосту, отец, – ответила Роза.

– И он очень одарен от природы, Антонио, – добавила Элизабет. – У него прекрасный певческий голос.

– Чудесно, чудесно, – пробурчал Антонио. – Только пусть юноша сам за себя говорит, милые дамы.

Молодой человек сглотнул комок в горле и подергал галстук. Лицо у него стало мертвенно-бледным.

– Меня зовут Марко Андретти, – сказал он приятным, хотя и хриловатым голосом. – Мне кажется... По-моему, вы встречались с моим братом на Старом мосту, сэр. Я работал в другой смене. Там мы с Розой и познакомились.

Тут он взглянул на Розу и улыбнулся. У него была удивительно славная улыбка, и у всех появилась надежда, что его признают достойным стать Монтана.

– Если отец ему откажет, это разобьет их сердца, – шепнула Лючия.

Паоло кивнул. Он и сам так думал.

Антонио теребил нижнюю губу – он всегда это делал, когда был чем-то чрезмерно озабочен.

– Да, – подтвердил он. – Марио Андретти я, конечно, встречал. Очень почтенная семья. – Это прозвучало у него не вполне убедительно. – Но вам, синьор Андретти, я уверен, известно, что мы – семья особая. Нам приходится тщательно выбирать, с кем породниться. Прежде всего хотелось бы знать, что вы думаете о Петрокки.

Бледное лицо Марко налилось румянцем. Он ответил с яростью, крайне удивившей всех Монтана:

– Я их ненавижу, синьор Монтана.

При этом он, казалось, очень нервничал.

Роза потянула его за рукав и, успокаивая, погладила по руке.

– У Марко тут личные и семейные причины, – сказала она.

– В которые я предпочитаю не входить, – прибавил Марко.

– Мы... Я не стану вас выспрашивать, – проговорил Антонио, все еще теребя губу. – Но видите ли, члены нашей семьи должны вступать в брак только с теми, кто имеет хотя бы небольшие способности к волшебству. У вас есть в этой области какие-либо таланты, синьор Андретти?

Марко Андретти с облегчением вздохнул. Он улыбнулся и ласково снял со своего рукава руку Розы. И запел. Элизабет была права: у него был прекрасный голос. Золотой тенор. Дядя Лоренцо во всеуслышание заметил, что не понимает, почему такой голос до сих пор все еще не в миланской опере.

Вот золотое древо
Растет в саду моем, —

пел Марко. Он пел, и дерево становилось явью; оно укоренилось в ковре между Розой и Антонио — сначала как слабая золотистая тень, потом как нечто металлическое, позванивающее, ослепляющее золотым блеском в падающих из окон солнечных лучах. Монтана кивали в знак восхищения. Ствол и каждая ветвь — даже тончайшая веточка — были чистым золотом.

А Марко пел и пел, и, пока он пел, золотые ветви покрывались почками, сначала маленькими и бледными, в виде кулачка, затем вырастающими в яркие, заостренные. Спустя несколько мгновений дерево оделось листвой. Она колыхалась и шумела в такт пению Марко. Еще несколько мгновений, и на дереве появились розовые и белые соцветия, которые наливались, росли и осыпались со скоростью огней фейерверка. Комната наполнилась ароматом, затем лепестками, разлетающимися вокруг, как конфетти. Марко все пел и пел, а дерево все колыхалось и шумело. И прежде чем с него упал последний лепесток, на месте цветов зазеленели заостренные плоды. Плоды эти потемнели и стали наливаться и наливаясь, превращаясь в округлые и желтые, пока дерево не склонилось под тяжестью богатого урожая больших спелых груш.

С плодами золотыми
Для каждого из вас... —

закончил Марко. Он сорвал одну из груш и нерешительно протянул ее Антонио.

Среди остальных членов семьи пронесся гул восхищения. Антонио взял грушу и понюхал. И к явному облегчению Марко, улыбнулся.

— Хорошая груша, — сказал Антонио. — Очень изящно исполнено, синьор Андретти. Но у меня к вам еще один вопрос. Согласитесь ли вы принять фамилию Монтана? Таков наш обычай, видите ли.

— Да, Роза мне говорила, — отозвался Марко. — И... тут есть одна сложность. Я нужен брату в его фирме, он тоже хочет сохранить наше фамильное имя. Вас устроит, если я буду Монтана, бывая здесь, и Андретти дома и у моего брата?

— Вы хотите сказать, что вы с Розой не намерены жить здесь?

— Все время — нет, — заявил Марко.

По его тону было ясно, что решение свое он не изменит.

Это было серьезное дело. Антонио посмотрел на Старого Никколо. Все лица кругом помрачнели: никому не нравилось, что семья не будет единым целым.

— Не понимаю, почему им этого нельзя, — возмущалась Элизабет.

— Ну... мой двоюродный дед в свое время такое учинил, — сказал Старый Никколо. — Ничего хорошего из этого не получилось. Его жена сбежала на Сицилию с каким-то плюгавым колдунешкой.

— Это вовсе не значит, что я сбегу! — рассмеялась Роза.

Но семья, стоя вокруг тихо шумевшего листьями дерева, заколебалась. Они все любили Розу. И Марко был славный парень. Никому не хотелось рвать им сердца. Но сама мысль, что можно жить не в Доме Монтана!..

Тут вперед выдвинулась тетя Франческа:

— Я разделяю мнение Элизабет. Наша Роза нашла себе славного юношу, у которого большой талант и прекрасный голос, каких я много лет не встречала вне нашей семьи. Пусть они поженятся.

У Антонио сделался ужасно озабоченный вид, он даже перестал теребить губу. Но когда казалось, что он уже успокоился и вот-вот согласится, под дерево – оно бешено зашумело! – вторгся Ринальдо.

– Обождите чуток. Не слишком ли мы все доверчивы? Кто он все-таки, этот парень? Почему он со своим талантом не попадался нам раньше?

Паоло опустил голову и стал наблюдать за Ринальдо, глядя на него из-под завесы волос. Это был Ринальдо в одном из тех своих настроений, которые меньше всего нравились Паоло. Ринальдо громогласный и задиристый, с перекошенным ртом. Он был все еще немного бледен из-за царапины на голове, но это очень даже шло к его черному костюму с красным бандитским шарфом. И Ринальдо это знал. Он гордо откинул голову и презрительно смахнул листок, упавший на его черный рукав. И уставился на Марко, заносчиво требуя от него ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.